

(АВТО)БИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЭПИСТОЛЯРИИ А.С. ХОМЯКОВА

© 2021 г. М.Д. Кузьмина

*Высшая школа печати и медиатехнологий
Санкт-Петербургского государственного универ-
ситета промышленных технологий и дизайна,
Санкт-Петербург, Россия;*

*Институт философии и права Сибирского отде-
ления Российской академии наук, Россия*

Дата поступления статьи: 23 марта 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 13 мая 2020 г.

Дата публикации: 25 марта 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-192-205>

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда,
проект № 20-68-46021, «Славянофильство в религиозно-философском диалоге:
1836–1917»*

Аннотация: В статье рассматривается автобиографический и биографический дискурс в эпистолярии А.С. Хомякова. Выявляется, что оба, и особенно первый, выражены у него беспрецедентно сжато. Характерные для эпистолярного жанра и потому ожидаемые читателем элементы автобиографии устойчиво подменяются элементами биографии, причем практически всегда в варианте некролога. Как правило, это некрологи людям, прожившим не только частную, но и общественную жизнь, оставившим след в истории, оказавшим влияние на современников, а возможно, и потомков, — что в наибольшей степени и интересует Хомякова. Уделяя преимущественное внимание личностным качествам, сфере и степени самореализации тех, о ком ведет речь, он почти не освещает их внешнюю канву жизни. Таким образом, в эпистолярии, с одной стороны, представлены парадоксальные варианты некролога, биографического жанра, — без биографии, а с другой — очень индивидуализированные варианты некролога, жанра, на тот момент, казалось бы, себя уже безнадежно исчерпавшего, приобретшего клишированный характер.

Ключевые слова: А.С. Хомяков, эпистолярий, письмо, биографический дискурс, автобиографический дискурс, некролог.

Информация об авторе: Марина Дмитриевна Кузьмина — кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли, Высшая школа печати и медиатехнологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, ул. Большая Морская, д. 18, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Для цитирования: Кузьмина М.Д. (Авто)биографический дискурс в эпистолярии А.С. Хомякова // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 192–205.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-192-205>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 1, 2021

(AUTO)BIOGRAPHIC DISCOURSE IN A.S. KHOMYAKOV'S EPISTOLARY

© 2021. Marina D. Kuzmina

Book Publishing and Book Trade of the Higher School of the Press and Media Technologies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia;

Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

Received: March 23, 2020

Approved after reviewing: May 13, 2020

Date of publication: March 25, 2021

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, project N 20-68-46021, "Slavophilism in the Religious and Philosophical Dialogue: 1836–1917."

Abstract: The article discusses autobiographical and biographical discourse in the epistolary of A.S. Khomyakov. It turns out that both, and especially the former, are underrepresented. Khomyakov steadily replaces autobiographical elements typical of the epistolary genre and thereby expected by the reader with biographical elements, almost always in the form of obituary. As a rule, those are obituaries to public figures who had left a mark in history, influenced contemporaries, and possibly descendants – what mostly interests Khomyakov as the author. Paying primary attention to personal qualities, the scope and degree of self-realization of these qualities, he almost never covers external, factual side of their lives. Thus, the epistolary includes, on the one hand, paradoxical elements of the obituary and the biographical genre without a typical biographic narrative, while on the other hand, a highly individualized version of the obituary, a genre that, at a time, seemed to have hopelessly exhausted itself and become clichéd.

Keywords: A.S. Khomyakov, epistolary, letter, biographical discourse, autobiographical discourse, obituary.

Information about the author: Marina D. Kuzmina, PhD in Philology, Associate Professor, Book Publishing and Book Trade of the Higher School of the Press and Media Technologies of St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Bolshaya Morskaya St. 18, 191186 St. Petersburg, Russia.
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

E-mail: mdkuzmina@mail.ru

For citation: Kuzmina, M.D. "(Auto)biographic Discourse in A.S. Khomyakov's Epistolary." *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 1, 2021, pp. 192–205. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-192-205>

Основная часть сохранившегося эпистолярного наследия А.С. Хомякова относится к 1840–1850-м гг., десятилетиям, следующим за пиком популярности жанра письма. Но и в 1840–1850-е гг. К.С. Аксаков, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен и другие современники сохраняли приверженность к эпистолярному жанру. Переписка Герцена настолько обширна, что занимает более половины объема его тридцатитомного собрания сочинений. Высоко ценя возможности эпистолярной формы («...форма письма самая широкая, она свободна, как женская блуза, нигде не шнурует и нигде не жмет» [14, с. 64]), Герцен облакает в нее значительное количество художественно-публицистических и художественно-философских работ («Письма из Франции и Италии», «Концы и начала», «Письма к будущему другу», «Письма к противнику», «К старому товарищу»). Хомяков тоже в ряде случаев, преследуя свои цели, идет этим путем — в печати появляются его «Письмо об Англии», «письмо» о философии к Ю.Ф. Самарину, выросшее из частной переписки, и другие тексты.

Однако корпус эпистолярных текстов Хомякова поражает своей малочисленностью. Идеолог славянофильства неоднократно признавался в неудовлетворенности жанровыми возможностями письма и в нелюбви к ведению переписки. «Твоя правда <...>, — сообщал он А.В. Веневитинову, — что без особенного дела я не вдруг соберусь писать. Никогда отроду не мог я завести корреспонденцию и всегда завидую тем, у которых она есть. Это не просто лень братья за перо, хоть я и не скрываю этого сладостного порока, но какое-то чувство мертвенности в письменных сообщениях между друзьями. Все то, чем оживляется разговор, чем слово, сказанное другу, отличается от слова, сказанного приятелю или знакомому, — все это тонет

в чернильнице, и выходит какое-то бесцветное писание, не носящее даже признака теплого, дружеского чувства. Вот отчего мне всегда нужен, как ты говоришь, крючок, к которому прицепить свое письмо» [15, с. 65]. Письма к другим адресатам также пестрят признаниями: «Я самый негодный корреспондент. Сколько ни заводил переписок, ни одной как-то не умел продолжать» [15, с. 70], «Скажите Попову, что я с ним заочно христосуюсь, а не пишу, потому что он давно знает, каков я корреспондент» [15, с. 264], «...я корреспондент неусердный...» [15, с. 288], «...очень ловко рассказывать свои мысли в разговоре или письменно, когда они представляются в цельности или вводятся хотя и отрывочно, но связью речи, очень трудно выразить их отдельно в письме, в одно время без введения и без полноты» [15, с. 311], «я смертельно рад все высказать на словах, а к письму не чувствую ни малейшего позыва...» [15, с. 439]. При всем том эпистолярные послания Хомякова очень любопытны. С одной стороны, они органично включаются в контекст эпохи, с другой — предстают как явление самобытное. Это становится очевидным, в частности, при исследовании (авто)биографического дискурса эпистолярия Хомякова. Для эпистолярного жанра в целом очень характерны элементы жизнеописания, сочетающиеся с элементами дневника. «Переписка Белинского, сохранись она полностью, — отмечала Е.Ю. Тихонова, — представляла бы собой подробный дневник его жизни и внутреннего развития» [9, с. 116], «уникальное автобиографическое повествование» [13, с. 227], содержащее также «сведения мемуарного характера» [8, с. 116] и одновременно выражающее «потребность в исповеди» [9, с. 117]. Белинский, как и Герцен и К. Аксаков, Станкевич и другие современники Хомякова, — особенно в 1830-е гг. — пишут подчас очень длинные письма, каждое из которых может фиксировать события внешней и внутренней жизни на протяжении нескольких дней. Эпистолярное послание в таком случае подразделяется на фрагменты, не только по содержанию, но и по форме сближаясь с дневником. Впоследствии, начиная с 1840-х гг., ослабляется интенция исповеди, установка же на дневниковую авторефлексию остается, но теперь налицо не столько душевные излияния, сколько умозаключения; остается и установка на элементы автобиографии.

Своеобразие эпистолярных текстов Хомякова в том, что черты жизнеописания (и тем более дневника) выражены в них в минимальной степени. Сведения автобиографического характера в письмах крайне скупы и од-

нотипны. Как правило, фиксируется перемещение из Москвы в Петербург и обратно, работа над тем или другим сочинением, рождение ребенка, болезнь и смерть кого-то из близких или общих знакомых. Хомяков очевидным образом уклоняется от сколько-нибудь подробного жизнеописания, ограничиваясь рассказом либо о наиболее значимых, всецело поглотивших событиях (кончина детей, жены, матери), либо, наоборот, о событиях достаточно внешних и заурядных. Они отражаются в письмах как бы по необходимости, в ответ на ожидания адресата, поскольку диктуются этикетом эпистолярного общения. Это всякий раз события, о которых как бы неловко умолчать, поскольку адресату о них все равно рано или поздно из того или другого источника станет известно.

В предельно редуцированном у Хомякова жизнеописании автобиографическое устойчиво переходит в биографическое: автор регулярно подменяет ожидаемый рассказ о себе — рассказом о других. Причем, как правило, чем ближе ему человек, тем меньше о нем говорится. Таким образом, из сферы эпистолярия планомерно исключается все личное. Частное дружеское письмо теряет исконно ему присущую доверительность. Возможно, помимо занятости и нелюбви к ведению переписки сказывалось то, что Хомяков-христианин не хочет ни празднословить, ни осуждать или даже оценивать, ни сообщать сплетни, ни давать повод к этому своим корреспондентам, ставя под удар себя и близких. Более того, и о людях, не входящих в узкий семейный круг, он отзывался практически исключительно в том случае, если они ушли из жизни. В его эпистолярии представлено своего рода собрание некрологов: Н.В. Гоголю, Д.А. Валуеву, А.И. Тургеневу, А.А. Елагину, Т.Н. Грановскому, А.А. Иванову, Н.В. Шеншину. Как можно видеть, в основном это известные и уважаемые личности, на кончину которых, в общем-то, нельзя не откликнуться. Некролог как биографический жанр давал возможность, с одной стороны, подвести итог жизни каждого из них, определить его место в современности, а подчас и в истории России, с другой же — почтить и увековечить память (ср. суждение А.И. Рейтблата: «Биография (подобно памятнику в визуальной сфере) мемориализует личность...» [5, с. 182], «уже самим фактом помещения некролога его персонаж признается социально значимым и важным...» [6, с. 195]), сказав доброе слово, обрисовав светлый образ покойного. Сложившись лишь в XIX в., некролог очень быстро исчерпал свой жанровый потенциал — уже к середи-

не столетия снижал репутацию сугубо риторического, клишированного и потому неискреннего, по позднейшему определению исследователя, «письма-макияжа» [7, с. 38–39], подчас ничего не сохраняющего от подлинного портрета усопшего. В печати появляются скептически-пренебрежительные отзывы о «ничтожных некрологах, ничего не говорящих» [16, с. 31]. Герцен пытается обновить, казалось бы, мертвый жанр — свободная форма «Былого и дум» давала ему такую возможность (см. подробнее: [3]). Подобную возможность Хомякову давала не менее свободная эпистолярная форма. В отличие от герценовских, вопреки традиции, слишком развернутых некрологов Грановскому и К. Аксакову в «Былом и думах», некрологи Хомякова, тоже вопреки традиции, в большинстве своем, слишком лаконичны. Нарушая «некрологический канон» [2, с. 98], последний то и дело отказывается от необходимых, по требованиям жанра, структурных элементов — сведений о происхождении, образовании, роде деятельности и т. п. Опустив эту первую композиционную часть — внешнюю канву жизни, Хомяков делает акцент на второй — ее содержании. Тем самым в его эпистолярии представлены парадоксальные образцы начатков некролога, биографического жанра, — без биографии. Черты жизнеописания у Хомякова, таким образом, максимально нивелируются.

Отказ от биографического нарратива в данном случае, очевидно, мотивирован самой ситуацией эпистолярного общения. Как традиционные некрологи, так и герценовские эксперименты с этим жанром были ориентированы на публикацию, а следовательно, адресацию широкому, очень разнородному кругу читателей, осведомленных о покойном в неодинаковой степени, и потому побуждали к большей или меньшей его репрезентации. Эпистолярное же общение камерно. Некролог Хомякова обращен к одному конкретному адресату, хорошему знакомому, владеющему приблизительно такой же исходной суммой знаний о покойном, как и автор письма. Любопытно, что последний предельно сжимает отзыв об умершем, как правило, если этот умерший ему — биографически, идейно, духовно — не близок. О нем будто не интересно, не хочется писать. Эти некрологи примечательны также тем, что, вопреки жанровой традиции, они недостаточно «комплиментарны» в оставшейся — второй — части. Нарушая «канон макияжа» «Либо хорошо — либо ничего» [7, с. 39], автор письма не идеализирует усопшего, с которым имел разногласия. Более того, берет на себя смелость

фиксировать их. Тем дороже примирение с покойным, в соответствии с традицией задающее тон некрологу. Таким образом, Хомяков, не разрушая, реформирует жанр — наделяет его теми чертами, которых ему не хватало: индивидуализированностью и искренностью даваемых усопшему характеристик. Так, например: «Вы уже знаете о смерти Тургенева, — пишет он Самарину, имея в виду А.И. Тургенева. — Жаль и его. Много милого, доброго, любящего было в его душе. Его европейское сплетничанье было не бесполезно и не без достоинства; а любовь его к таким людям, как Неандер и др., показывает, как сильно в нем было сочувствие со всякою духовною жизнью, хотя сам он не мог никогда углубиться в себя» [15, с. 261]. А позже сообщает Самарину же о кончине их общего антагониста — западника Грановского: «Бедный Грановский! Вы, верно, о нем пожалели. Мне очень жаль его, хоть и знаю, что он себя пережил и что в них, даже в лучших, нет ничего такого, чтобы ответить требованиям России, особенно современной. Но жаль в нем прекрасного таланта, благородного сердца, и любви к просвещению, и способности согревать других. Жаль доброго врага» [15, с. 288] (интересно совпадение этой последней характеристики с герценовской, относящейся, наоборот, к славянофилам: «враги-друзья» [12, с. 133]¹). Как можно видеть, интенция некрологов Хомякова двояка. Это сожаление и об уходе того или другого человека из жизни, и о том, что он заблуждался, недореализовался. Подобной интенцией были отмечены и некрологи «Былого и дум». Однако если Герцен удостоил ими лишь тех двоих, кто были ему когда-то близки и дороги: Грановского и К. Аксакова (на смерть же самого Хомякова отозвался вполне традиционным, сухим некрологом, размещенным на последней странице «Колокола» в разделе «Смесь»²), — то Хомяков нашел доброе и «персональное» слово для многих.

Откликаясь же на смерть людей, для него особенно дорогих — таких, как Гоголь и Валуев, — Хомяков нарушает принцип лаконизма: о них

1 Эта характеристика славянофилов была впервые опубликована в герценовской «Полярной звезде на 1855 год» [13, с. 150].

2 Ср.: «Еще один из замечательнейших деятелей в мире русской мысли и русского сознания кончил жизнь свою. Алексей Степанович Хомяков умер от холеры 4 октября в своем рязанском имении. Не во всем согласные с ним, мы высоко ценили и огромные дарования А.С. Хомякова, и благородную жизнь его, проведенную вдали от всего официального, служебного, и его влияние на московское общество. Ему было только 55 лет... скоро изнашивает наш север лучших людей своих» [11, с. 704; см. также: 10]. Авторство этого некролога справедливо атрибутируется Герцену (см., например: [10, с. 582]).

ему как будто неудержимо хочется вспоминать. Слово о Гоголе уникально в том отношении, что актуализирует биографический нарратив. Хомяков буквально протоколирует события последних дней жизни писателя, создаст своеобразный календарь, считая эту информацию настолько значимой, что она должна быть сохранена и сообщена другим, вместе с тем — вряд ли известной адресату письма (А.Н. Попову) да и вообще кому-либо в той степени, в какой известна ему: «Смерть моей жены и мое горе сильно его (Гоголя. — М.К.) потрясли <...>. На панихиде он сказал: “Все для меня кончено”. С тех пор он был в каком-то нервном расстройстве, которое приняло характер религиозного помешательства. Он говел и стал себя морить голодом, попрекая себя в обжорстве. Иноземцев не понял его болезни и тем довел его до совершенного изнеможения. В субботу на Масленице Гоголь был еще у меня и ласкал своего крестника» [15, с. 208–209] и т. д. Стремясь по возможности объективно передать факты, автор письма воздерживается от комментария, заслуживающего отдельного внимания, но, по его мнению, вряд ли востребованного («Я мог бы написать об этом психологическую студию; да кто поймет, или кто захочет понять?» [15, с. 209]).

В случае и Гоголя, и Валуева надгробное слово Хомякова теряет двойственность. Рисуются беспримесно светлые, почти житийные, и одновременно индивидуализированные портреты усопших, демонстрирующие примеры своеобразной мирской святости. Вводится обычная для агиографического жанра антитеза — подвижник-христианин выделяется на фоне всех остальных людей, грешников: «Эти сожженные произведения, эта борьба между пустым обществом, думающим только об эффектах, и серьезным направлением, которому Гоголь посвящал себя, борьба, решенная в пользу Грановских и Павловых <...> все это какой-то символ. Мягкая душа художника не умела быть довольно строгою, и строгость свою обратила на себя и убила тело. Бедный Гоголь!» [15, с. 209], «Из круга нашего отделился человек, — говорится о Валуеве, — которого никто мне никогда не заменит, который был для меня и братом, и сыном. <...>. Его молодость, деятельность, чистота, миротворящая <...> кротость нрава и, наконец, его совершенная свобода и независимость от лиц и обстоятельств — все делало его драгоценнейшим из всех сотрудников в общем деле добра и истины» [15, с. 259]. За счет этой обычной для некролога сближенности с агиографическим жанром актуализируется дискурс жизнеописания. Вместе с тем

богатый потенциал жизнеописания в эпистолярной Хомякова скорее представлен в зародыше, чем реализован в полной мере, хотя бы потому, что нарратив, биографический нарратив, за исключением повествования о Гоголе, практически совсем отсутствует.

Итак, подменяя автобиографию биографией (преимущественно в варианте некролога), Хомяков снимает биографический нарратив как таковой, предлагает вместо повествования о событиях — описание-характеристику идей и личностных качеств тех, о ком ведет речь. Вместе с тем он переключает внимание с плана частной жизни на план жизни общественной, создавая весьма своеобразную модель жизнеописания. Одновременно с ним читателя ведет таким путем и Герцен в «Былом и думах». Им обоим, мыслителям и лицам общественным, стремившимся самореализоваться в служении родине, сфера только частной жизни представлялась недостаточной. Как можно видеть в вышецитированных примерах, вводя в дискурс некролога обычную для жития антитезу подвижника-христианина и других людей-грешников, Хомяков в этих последних видит характерных представителей современной ему России: заблуждающихся западников (знаково имя Грановского) и пассивное, равнодушное большинство. В некрологе Грановскому также господствовал ракурс общественной, а отнюдь не частной жизни.

Любопытно, что, сообщая корреспондентам о смерти своих родных: детей, сестры, супруги, матери, — Хомяков относительно подробно, причем в целом ряде писем, отзывается лишь о последней. Хотя наиболее тяжелой была для него потеря жены, побудившая даже включить в эпистолярный строки, близкие к дневниково-исповедальным. Если утрата спутницы жизни (а также детей-младенцев и юной сестры) переживалась как событие глубоко личное, то уход матери осмысливается в широком историческом контексте. Очевидно, именно поэтому Хомяков счел возможным и даже необходимым говорить о ней. Ср.: «Голова была свежа, мысль и все интересы жизни во все время, кроме предсмертного дня, в котором слабость дошла до крайних пределов <...>. Грустно, что ее уже нет; не говорю об ней как о матери моей или даже как о женщине истинно и глубоко добродетельной, но говорю как о добром и почтенном образчике прежней эпохи. Много ли женщин или мужчин средних лет, а подавно и молодых, в которых так сильно развиты были интересы серьезно-религиозные, политические и

общественные? (здесь Хомяков сделал подстрочное примечание: «С пишущим эти строки она в самый день кончины своей говорила о новом тарифе». — М.К.). В ней бесспорно отражалась эпоха крепкая, Екатерининская, с лучшей ее стороны. Духовное ее существо не было ни разварено (от 1801 до 1825), ни придавлено (от 1825 до 1855)» [15, с. 156], «Я об ней могу сказать беспристрастно, что она была хороший и благородный образчик века, который еще не вполне оценен во всей его оригинальности, века Екатерининского. <...>. Была какая-то привычка к широким горизонтам мысли, редкая в людях времени позднейшего. Матушка имела широкость нравственную и силу убеждений духовных <...>. Для нее общее дело всегда было и частным ее делом. Она болела, и сердилась, и радовалась за Россию гораздо более, чем за себя и своих близких» [15, с. 341], «Она, смею это сказать, была благородным и чистым образчиком своего времени; и в силе ее характера было что-то, принадлежащее эпохе более крепкой и смелой, чем эпохи следовавшие. <...> ей обязан я и своим направлением, и своею неуклончивостью в этом направлении, хотя она этого и не думала. Счастлив тот, у кого была такая мать и наставница в детстве...» [15, с. 422], «...такова была еще внутренняя живость и деятельность покойницы, такова свежесть сочувствий в вопросах общественных, во всем, что касалось отечества и особенно веры, что, несмотря на слабость телесную, казалось, ей еще не пришла пора умирать. И теперь еще как-то плохо верится, что такое живое слово навсегда замолчало и такая горячая душа уже не будет беседовать с своими близкими» [15, с. 449]. В слове о матери текст Хомякова тяготеет к жанровой традиции не только и не столько некролога, сколько литературного портрета.

Этот портрет соотносим с портретом отца Герцена, И.А. Яковлева, в «Былом и думах». Оба автора позиционируют своих родителей как представителей минувшего XVIII в. Но насколько Хомяков дает положительные характеристики матери, говоря о ее активности, жизненности и в XIX столетии, интеллектуальном и духовном потенциале, патриотизме (лейтмотив: почил, но жива), объявляя свою жизнь во всех смыслах производной от ее, продолжением ее жизни, — настолько Герцен отрицательно оценивает отца как эгоистично изолированного от общественных интересов и нужд России, равнодушного и пассивного, а потому безнадежно мертвого (лейтмотив: еще жив, но уже почил), вследствие чего принципиально дистанцируется от него (см. подробнее: [1, с. 212–219; 4, с. 143–153]). Тем примечательна

тельнее выраженность биографического нарратива в слове Герцена об отце и его редуцированность в слове Хомякова о матери. Передавая ее активную жизненную позицию, автор писем поразительным образом обходится почти без повествования, подменяя его описанием-характеристикой.

Во многом вследствие этой установки не на личное, а на общественно значимое жизнеописание — как в варианте биографии, так и в варианте автобиографии — под пером Хомякова распадается, произрастая из себя начатки целого ряда других жанровых образований: публицистической статьи, рецензии, экзегетического исследования, проповеди, притчи, анекдота и др., — каждый из которых заслуживает отдельного внимания.

Список литературы

Исследования

- 1 Гинзбург Л.Я. «Былое и думы» Герцена. [М.]: Гос. изд-во худож. лит., 1957. 374 с.
- 2 Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Tartu: Tartu ülikooli kirjastus, 2007. 160 с.
- 3 Кузьмина М.Д. Портрет-воспоминание в свете традиций некролога (слово о западниках и славянофилах в «Былом и думях» А.И. Герцена) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения — 2015): в 2 ч. СПб.: Изд-во СПбГУПТД, 2016. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. / сост. и науч. ред. Т.П. Вязовик, М.Д. Кузьмина. С. 65–72.
- 4 Кузьмина М.Д. Театральность поведения как форма жизнетворчества: образ отца А.И. Герцена в «Былом и думях» // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2015. № 5. С. 143–153.
- 5 Рейтблат А.И. Биографируемый и его биограф (К постановке проблемы) // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 179–188.
- 6 Рейтблат А.И. Некролог как биографический жанр // Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 195–202.
- 7 Стариков М.В. Некролог как письмо-макияж // Вестник Томского государственного педагогического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2000. Вып. 7 (23). С. 37–39.
- 8 Тихонова Е.Ю. О некоторых источниковедческих аспектах издания переписки В.Г. Белинского // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.) / отв. ред. А.И. Аксенов. М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. С. 227–243.
- 9 Тихонова Е.Ю. Человек без маски. В.Г. Белинский: Грани творчества. М.: Совпадение, 2006. 279 с.

Источники

- 10 Герцен А.И. А.С. Хомяков // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. С. 337–338.
- 11 Герцен А.И. А.С. Хомяков // Колокол. Газета А.И. Герцена и Н.П. Огарева. Вып. 3. 1857–1867. Лондон-Женева. Факсимильное издание. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 748 с.
- 12 Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 9. 354 с.
- 13 Герцен А.И. Былое и думы // Полярная звезда. Журнал А.И. Герцена и Н.П. Огарева в восьми книгах. 1855–1869. Лондон-Женева. Факсимильное издание. Полярная звезда на 1855 год. Книга первая. Лондон. М.: Наука, 1966. С. 78–191.

- 14 Герцен А.И. Письма к будущему другу // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 18. С. 64–99.
- 15 Хомяков А.С. Полн. собр. соч.: в 8 т. М.: Универ. тип., 1900. Т. 8. 540 с.
- 16 [Чернышевский Н.Г.] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие, по день столешнего юбилея, января 12-го 1855 года, составленный трудами профессоров и преподавателей. М., 1855. Два тома: [Рецензия] // Современник. 1855. № 4. Отд. «Библиография». С. 25–39.

References

- 1 Ginzburg, L.Ia. “Byloe i dumy” Gertsena [“My Past and Thoughts” by Herzen]. [Moscow], Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1957. 374 p. (In Russ.)
- 2 Kuzovkina, T. *Fenomen Bulgarina: problema literaturnoi taktiki* [The Bulgarian Phenomenon: the Problem of Literary Strategy]. Tartu, Tartu ülikooli kirjastus Publ., 2007. 160 p. (In Russ.)
- 3 Kuz'mina, M.D. “Portret-vospominanie v svete traditsii nekrologa (slovo o zapadnikakh i slavianofilakh v ‘Bylom i dumakh’ A.I. Gertsena)” [“A Portrait-memory in the Light of the Obituary Traditions (On the Westernizers and Slavophiles in ‘My Past and Thoughts’ by A.I. Herzen)”]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniia – 2015): v 2 ch.* [The Press and the Word of St. Petersburg (Petersburg readings – 2015): in 2 parts], part 2: Literaturovedenie. Lingvistika: sb. nauch. tr. [Literary Criticism. Linguistics series], ed. T.P. Viazovik, M.D. Kuz'mina. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGUPTD Publ., 2016, pp. 65–72. (In Russ.)
- 4 Kuz'mina, M.D. “Teatral'nost' povedeniia kak forma zhiznetvorchestva: obraz ottsa A.I. Gertsena v ‘Bylom i dumakh’.” [“Theatricality of Behavior as a Form of Image-Making: the Image of A.I. Herzen's Father in *My Past and Thoughts*.”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiia*, no. 5, 2015, pp. 143–153. (In Russ.)
- 5 Reitblat, A.I. “Biografiruemyi i ego biograf (K postanovke problemy)” [“The Subject of Biography and his Biographer (Posing a Problem)”]. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 179–188. (In Russ.)
- 6 Reitblat, A.I. “Nekrolog kak biograficheskii zhanr” [“Obituary as a Biographical Genre”]. Reitblat, A.I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on Biography, Sociology, and Literary History]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014, pp. 195–202. (In Russ.)

- 7 Starikov, M.V. "Nekrolog kak pis'mo-makiiash" ["Obituary as a Make-up Letter"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki,"* issue 7 (23), 2000, pp. 37–39. (In Russ.)
- 8 Tikhonova, E.Iu. "O nekotorykh istochnikovedcheskikh aspektakh izdaniia perepiski V.G. Belinskogo" ["About Some Sources of the Publication of V.G. Belinsky's Correspondence"]. Aksenov, A.I., editor. *Issledovaniia po istochnikovedeniiu istorii Rossii (do 1917 g.)* [Research of the Source Study of the History of Russia (until 1917)]. Moscow, Institut rossiiskoi istorii RAN Publ., 2003, pp. 227–243. (In Russ.)
- 9 Tikhonova, E.Iu. *Chelovek bez maski. V.G. Belinskii: Grani tvorchestva* [A Man without a Mask. V.G. Belinsky: The Facets of his Creativity]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2006. 279 p. (In Russ.)